

продолжение

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Казнь Махамбета -5/ продолжение Только почему это чувство, пришедшее ко мне из грядущего, обладает таким горьким вкусом? Отчего строки эти не разделяют со мной нынешней моей радости, но будто отравлены печалью какой-то, еще неведомой мною потери? И от чего-то кажется мне, что строки эти незавершенные, а завершить их я уже не могу, потому что закрылось для меня уже грядущее, отравленное горечью неведомой мне еще потери, и перед глазами теперь – только пески, да старый карагач, к узловатым корням которого прискакал, и остановился мой конь, будто заразившийся внезапной и странной грустью своего седока.

С шуршанием копыт по песку подошел смирным шагом другой конь, встал рядом с моим. Старый шаман смотрит на меня с седла, с интересом, будто впервые видит. Бормочет одобрительно:

– Хорош твой стих-жыр, Махамбет, нечего сказать! Не думал я, что тебя в Ак Медресе акыном сделают. Ходжа На Сим – он все больше по другим делам мастер...

– Это по каким же? – удивляюсь. Уж я-то знаю, как мой наставник любит словесность изящную, и что ждет талиба, ошибающегося в определении тонких различий между школами стихотворцев далекой Аравии и соседней нам Персии.

– Ходжа На Сим ибн Насим – батыр великий, и учитель батыров, или не знал ты этого, целых три года у него в обучении состоя? – говорит шаман, и я не выдерживаю, смеюсь во все горло.

На Сим – батыр? Учитель батыров? Это он точно про нашего ходжу, который каждое утро заставляет талибов до совершения утреннего намаза поднимать колено выше пояса, изображая рукой,

будто в пиалу чай наливаешь, и при этом дышать, как молодая келин-невестка, боящаяся встревожить чуткий сон злобной свекрови – тихо, беззвучно, протяжно? Говорит при этом, что подобные упражнения подготавливают дух к лучшему проникновению таинством намаза-молитвы, обращенной к Творцу Миров. Ходжа На Сим, руки которого в самом широком месте тоньше моего запястья, и пища которого за весь день – пиала сурпы да несколько полосок вяленой рыбы, великий батыр? Наставник Ак Медресе, способный заставить талиба-неумеху трижды заново заваривать чай, если количества лепестков сушеного жасмина из драгоценной шкатулки оказалось не достаточно для тонкого вкуса, чтоб их всех весенними ветрами-бесконаками в окно его кельи однажды сдуло?! Я смеюсь так долго, что Хасен и Смаил успевают доехать до нас, и теперь смотрят недоуменно то на меня, то на шамана, который хмурит брови, но молчит, не желая вносить никакой ясности в эту странную картину мира, в которой сам Пір Бекет запутался бы, если бы стал, конечно, отвлекаться от своих блужданий по складкам ткани мироздания ради таких глупостей.

И когда смех, наконец, отпускает меня, я понимаю, что наш старый шаман, хоть и учился когда-то в Белом Медресе, как и я, так на самом деле ничего и не вынес оттуда. И даже наставника нашего он не знает. Я – молодой, одаренный, полный сил, наделенный острым умом, как то подтверждает сам ходжа На Сим, способен видеть лучше, яснее всех этих стариков, совершенно запутавшихся в своем прошлом, не способных разглядеть ни настоящее, ни грядущее! А значит, хоть в одном мой наставник прав – грядущее должно свершать нам, молодым, а старым мудрецам пора уступить место под солнцем таким, как я!

Но смотрит на меня шаман таким же взглядом, какой бывает у ходжи На Сима, когда я думаю, что он мысли мои читает, а он по лицу моему обо всем догадавшись, в мою же очередную глупость меня носом тыкает:

– Что, совсем зазнался, мальчишка? С одной похвалы уже забыл, чья наука за твоим успехом стоит, чей труд учительский? Эх,

жастык-молодость, во всем наши глупости одинаковы в этом возрасте, только успехи отличаются, а до твоих успехов, боюсь, твои наставники и дожить не успеют!

– Пока болтать будете, мы до заката к ханской ставке не успеем, агай! – бурчит недовольно Хасен, и мы согласно трогаемся в путь.

Веселья мое уже ничем не испортить, даже нравоучения старого шамана заставляют разве что улыбнуться, не то, чтобы нагло, в лицо, но в сторонку, а лучше – в самую гриву коня, почуявшего нрав и норы седока своего, и взявшего ход гордый, с высоко поднятой головой. Так и едем до самой ставки, а я думаю о том, что как же хорошо так получилось, что царь ресейский границы земель наших определил. Ведь еще три года назад мы с отцом от стойбища под Аманбиштау до Сарайчика неделю ехали, ночами кралась, от казачьих разъездов скрываясь. А тут и двух дней не прошло, а мы уж до самой Ханской Ставки прибудем, где уже поставил свой аул староста Утемис, и ожидает меня, чтобы всей семьей, достойно представиться на ханском празднике!

+ + +

Жузим звали ее – невысокая, если сравнивать с сопровождающими родичами-адаями, явившимися на свадьбу настоящей маленькой армией. Немудрено, ведь везли невесту из самого Мангышлака, через земли, где сейчас свирепствовала междуусобная война кек-кровная месть между родами Адай и Кете. Впрочем, не глупы кетинцы, и напасть на караван невесты первенца могущественного хана Бокея, чей титул и власть подтверждены самим императором ресейским, противникам рода адайского ни к чему. Но то – политика, а кто ответит за буйную кровь молодых жигитов, что ради славы на всякое безрассудство пойти могут? Тем паче, что кетинцев в Орде Бокеевской немало, и если изгонят все их кочевья из этих, богатых водой и пастбищами земель, в пустыни Мангистау, где изначально сильны адаи, но пастбищ хороших мало, потому как безводны земли те, то не избежать большой крови!

Ведут ее братья к юрте, где предстоит свершиться обряду Беташар – снятия покрывала с лица невесты, по пути с подносов медных монеты на дорогу под ноги сестре бросают, мол, пусть путь ее усыпан будет ими. Если уж не золотом – не богат род невесты! – так хоть серебром да медью, да и потом, много ли надо детишкам, что из пыли все это богатство собирать будут?

Жузим – та самая невеста, которую сосватали за первенца хана Бокея в день ее рождения, когда и жениху-то было всего семь лет. Она должна была стать залогом далеко идущих планов Бокея распространить свое влияние на весь Мангистау, подобраться к границам туркмен, если понадобится – пойти вместе с войсками царя ресейского на саму Хиву, чтобы доказать высокому покровителю свою полезность. И тогда, может быть, удастся воспользоваться стародавней нелюбовью империи к отщепенцам-староверам, казакам яицким, укрепившим свое положение после участия в большой войне с франкским императором, который, как рассказывал, Москву огню предать сумел. Ох, многие тогда подговаривали хана Бокея присоединиться к бунтарям хивинцам, отринуть власть имперскую, ударить по землям Войска Уральского, вернуть степнякам власть и право над богатейшими землями Ак Жайыка. Ведь стыдно, право слово – забыл степняк вкус рыбы, как рыбачить – забыл, потому что не пускают его казаки к берегу речному, уже сто лет, как держат земли эти за собой, предавая лютой смерти даже за попытку напоить стадо иль табун из реки! А такой, говорили, удобный расклад – все казаки, что способны оружие держать, по уложению реестровому на войну призваны, само Небо-Тенгри на стороне степного народа, верни, хан Бокей, земли предков, отринь позорную власть орысов над собой, вспомни, кто ты есть, подними бунчук Шынгысхана над ордой своей! Небо-Тенгри – то, понятное дело, шаманы твердили, аруахами стращали, акынов толпами заводили, чтобы те пели старому хану о великих деяниях батыров прошлого.

С другой стороны, шептали на ухо больному уже, страдающему одышкой, не способному даже сесть на коня, не то что армию в бой вести, хану Орды Бокеевской муллы-посланцы муфтията

Астраханского: не слушай смутьянов, язычникам-кафирам не внимай, навлекут на тебя они беду большую! Империя ресейская не первый год стоит, не одного врага одолела, и с этим императором франкским справится. А потом как обратит взор свой гневный на тех, кто предал, в спину удар нанес, накажет, покарает, лишит благосклонности своей. Сын твой вон, в дому губернатора астраханского, как иримшик-сыр в каймаке-сливках, в довольстве живет, а за скот фуражный, что ты армии ресейской поставляешь, большая выгода в рублях царских, золотых, ждет тебя, так чего ради от всего этого отказываться, во имя какой-такой призрачной мечты бросать под угрозу благоденствие рода твоего, народа твоего, а самое главное – лично твоей семьи, которая самим царем Искандером приласкана будет, и верный тому залог – покорность воле Аллаха, который велит подчиняться правителям своим, ибо всякая власть, сказано Эхли-Китаб, Народам Книги, есть от Бога!

В многочисленности своей превосходили муллы всех акынов и шаманов, сладки были речи их, умело сочетали угрозу карами что царскими, что божьими, с посулами благ и выгод, у говорящих же от имени степи и неба не было ничего, кроме слов, песен, да легенд. Легенду же в казан не бросишь, на жайму-лепешку не положишь, на дастархан не подашь, желудок не насытишь. За легендой – ржавые клинки ханжаров, уже век как не покидавших ножен, за империей же орысов – штыки и пушки, солдаты да казаки! И объявил хан Бокей, что как только оправится от болезни своей, так и отправится в путь в далекую Мекку, хадж вершить, а до того – посетит могилу Бекет Ата, вознесет намаз-молитву за успех царя Искандера Первого в войне его с императором франкским!

Так и вышло – после зияйрета-паломничества в Огланды, в мечеть подземную, к мавзолею Пір Бекета, ожил будто старый хан, здоровьем поправился, а тут и весть благая от нового губернатора астраханского Андреевского, Степана Семеновича, прибыла: виктория! Словом этим любило чиновничество орыское зафер-победу именовать, придавая тем самым ему особую

значимость. Да и, следует признать, как бы ни были хороши сношения хана Бокея со старым губернатором астраханским, Львом Александровичем Кожевниковым, новый губернатор к степнякам не в пример лучше относился, сына же ханского, Жангир-Керея, как своего собственного холил, лелеял, и будучи врачом-врачевателем преизрядным, даже самолично от тяжелой простуды лечил. Знал Степан Семенович, неоднократно принимавший участие в экспедициях по степи, нравы и обычаи кочевого люда, знал, и потому самый верный подход нашел к сердцам степняцким, сына ханского в собственный дом поселив, как то еще исстари заведено было, когда ханы Золотой Орды детей князей орысских при себе держали – то ли в качестве кунаков дорогих, то ли – заложников, все от текущего положения отношений между правителями-родителями решалось. Правда, прекратился обычай тот, да вот, с ученым-медикусом, действительным статским советником и губернатором Андреевским возродилось, и на благо империи ресейской послужило в нужную минуту!

И хотя лелеял Степан Семенович другие планы относительно будущего брака ханского наследника, считая, пусть и в тайне, обычай сватать детей еще с колыбели варварским, и мечтая свести юного Жангир-Керея с девицей из числа многочисленных дочерей на выданье в его окружении, и тем самым упрочить связь между империей и степняками, свадьба с Жузим все равно должна была состояться. Свое недовольство губернатор выразил довольно явственно, не только сам не явившись, но за вежливым предлогом отказавшись прислать и заместителя своего из высших имперских чинов в Астрахани. Хана это если и смутило, виду он не подал, положенный же политическим протоколом подарок из губернаторского дома все равно прибыл – книги! Ну, что еще мог послать Андреевский своему воспитаннику, дабы еще раз подтвердить свое мнение относительно предстоящего брака? Свод законов государства ресейского – для жениха, и... собрание женских французских романов в роскошном переплете для невесты! Жузим еще не видела подарков, но жених догадывался, что ни Лафонтен, ни Мюссо, ни даже Мольер не произведут впечатления на степнячку, которая, Бог весть, и читать-то не умеет, поди!

Впрочем, сам жених так же невесты раньше не видел, и сейчас удивлялся тому, как ладно несет она себя, каким достоинством наполнено каждое ее движение: вот, сейчас, когда апа и келин, старые и молодые женщины ханского аула встречали ее, чтобы проводить в огромную юрту, особо установленную для проведения обряда Беташар.

Огромным нарушением степных обычаев считалось то, что сам жених не ездил за невестой в ее аул – обучение в гимназии послужило хорошей отговоркой хану Бокею не отправлять первенца в опасное путешествие на Мангышлак. Богатые же подарки для кудалар-сватьев и всего многочисленного рода невесты сгладили неудобство от нарушения обычая: ведь одного только той-малы было отправлено: отборных конских табунов числом в триста голов, отцу как жигит-туйе – подарок от жениха – восемь верблюдов и дорогая ханжар-сабля в ножнах из чистого серебра, расписанная сурами из Куран-И-Керим. Для матери же в качестве сут акы – платы за материнское молоко, хан отправил ни много ни мало – монисто из золотых червонцев весом с полпуда! Каждому брату-жигиту так же в дар было отправлено по ханжару попроще, но в качестве свадебной одежды-подарка – киит – хан Бокей расщедрился на расшитые золотой нитью шапаны тяжелого бархата, хивинской работы, сундуков же, полных крашеного войлока, ситца и бумажных тканей, и вовсе везли отдельным караваном. Хитрый расчет хана оправдался, род невесты был многочисленным и воинственным, но большим богатством не владел, война с кетинцами изрядно истощали обе стороны, и как бы ни были горды адаи, однако никак не могли ответить на столь щедрые подарки хотя бы одной десятой от такого количества добра, и все возможные обиды за нарушение традиций приходилось прятать за напускным пониманием: ну как же, ясное дело, жених не просто ханского рода, ученый-мырза, у самого губернатора живет, можно и сделать исключение ради такого-то... ни разу не виданного, не почтившего куда-тестя поклоном на кыз-узату – проводах невесты, не преклонившего голову перед злыми шутками многочисленных бажа-зятьков и агайын-шуринов!

И правда, количество приданого, что вносили в юрту вслед за невестой, было невеликим: десяток сундуков, да столько же тюков с корпе-одеялами. И как упрек бедности новый родичей, выглядела сама юрта, такая большая, что Жузим вошла в нее, даже не наклоняя голову в высокой шапке-саукеле, украшенной перьями белого лебедя ак-ку. Братья-жигиты, сопровождавшие невесту из Мангышлака в ханскую ставку Бокеевской Орды, встали полукругом у входа в юрту, положив ладони на рукояти подаренных им на кыз-узату ханжаров. На жениха, стоявшего в окружении выделенной отцом ему свиты, смотрели откровенно изучающе, будто оценивая, достоин ли он стать им родичем. Лицо Жангир-Керея, казалось, выражало удивление всем происходящим, и даже шапка-борик, украшенная перьями степного филина-уку, сидела как-то странно, будто чувствуя себя чужой на этой голове, забитой далекими от степи, европейскими мыслями и идеями.

Свиту Жангир-Керея составляли сплошь муллы да мырзы, коих и без того в ханской ставке водилось в преизбытке, да еще и выписал их хан отовсюду, откуда можно, специально ради этого случая. Махамбета, специально ради okazji такой, одетого в богатый длинный шапан из дорогой белоснежной верблюжьей шерсти, как бы намекающим на его положение талиба суфийского медресе, поставили рядом с женихом. По левую же руку шел богатейший из кочевых старост, известный батыр, под началом которого состояло чуть ли не более трех тысяч жигитов – главная военная сила Бокеевской Орды, случись чего – дальний родич самого хана Бокея, сын уже постаревшего, но когда-то известного своим крутым нравом и лихостью в бою батыра Таймана – Исатай! Высокий, чернобородый, с жестким, пронизательным взглядом, он так же держал руку у пояса, где висел не богатый, украшенный камнями, как у прочих, но старый, боевой меч-кылыш его отца, с которым он, говорят, никогда не расставался. Да и удивительно ли – ведь кочевья рода Исатая располагались очень близко теперь уже к официальным границам земель войска уральского, и в отличие от многих прочих аулов, гораздо чаще сталкивались с казаками яицкими, не гнушавшимися грабежа

степного народа, буде подворачивалась такая возможность.

Изредка Исатай Тайманулы бросал косые, недовольные взгляды в сторону Махамбета, сына Утемиса, поджимал губы, пряча в густых черных усах недовольство тем, что не ему, но этому почти мальчишке, на чьем рождении он сам, еще подростком, куырдак ел, и который теперь красуется в белом шапане, да небось гордится своим званием ученого-мырзы, дали место по правую руку от жениха. А ведь тем самым хан Бокей всей орде показывал, что ему сейчас истинно важно и ценно – не сила мечей в руках жигитов, но сила слов из Писания Священного! И пусть вся Степь теперь знает, что за Ордой хана Бокея сила крепче железа, потому как что бумага, исписанная вязью арабской иль словесами рейсескими, а того паче – за подписью и печатью самого государя императора, всяко крепче клинка булатного, да суеверия старинного!

Исатаю это не нравилось. В его мире, где стальной клинок да покровительство степных шаманов не раз спасали жизни, за старые обычаи держались крепко. Иногда думал староста Исатай Тайманулы, что с возрастом теряет разум старый Бокей, не понимает, что не будь жигитов с клинками, помнящих искусство степной войны – наследие орды золотой, память грозного Шынгысхана да безжалостного Батухана, не церемонилась бы с ним власть орысская, не задабривала бы бумагами с золотыми тиснениями! Что не умеет кочевник стада свои умножать волею аруахов степных – не было бы почета да заискивания мулл, потому что всяк человек мясом брюхо набить хочет, даже если все священные книги наизусть выучит, а мясо – вот оно, только у кочевников в избытке имеется, уж известно, как живут шаруа-дехкане в той же Хиве, или те же казаки яицкие – мяском себя только по праздникам и балуют, за каждую голову скота убить готовы... и убивают! Только степняк может себе позволить ради кунака-гостя не то что барана – коня зарезать, только тот, чья кровь с духом великой степи смешана, из отары в сто голов через год – три сотни имеет. Верный путь знали предки, верной рукою меч держали, копье свое, дрожали перед ними что арабы,

что предки орысов нынешних. А теперь – одни нас жить учат, другие – место наше под солнцем указывают, и с каждым годом все меньше для нас места этого, потому что холодным будет то солнце, которое от клинка в руке жигита не отразится, в глазах что врага, что друга, не блеснет, уважения к тому, в чьей руке клинок, завоеывая.

Женщины запели «Жар Жар», старая Айна-апа, вдовая сестра хана Бокея, заиграла на домбре. Вот ведь удивительная женщина – в иное время пальцы ее, прожитыми годами, скрученные в узлы, что корни карагача, нитку в иглу продеть не могут, но стоит ей взять в руки домбру, как молодеют пальцы, бегут по грифу, словно жеребята-трехлетки, выбивают мелодию, в которой сама душа Великой Степи! Под песню, как по сигналу, двинулся жених, и вся свита за ним, в сторону юрты. У самого входа путь ему преградил старший брат Жузим, Ибрагим, статный и высокий, почти на голову выше жениха, в шапке, обитой куницей, из-под края которой выбивалась красная повязка. Исатай, в отличие от Жангир-Керея, да и многих прочих обитателей ханской ставки, знал, что у адаев эта повязка означает. За Ибрагимом кровный долг: кек-месть, но все кровники его им же убиты, и повязка эта – как искупление перед аруахами, вечная кровь, которой он багрит свое чело за тех, кто уже никогда не сможет ему отомстить. Опасный воин, безжалостный, и умный, если смог выжить, и повязку надел. Исатай проникся к нему невольным уважением. Невольным – потому что с самого начала подозревал – не стерпят гордецы-адаи оскорбления, пакость, какую придумают, чтобы взыскать с ханского наследника за то, что не прибыл лично на кыз-узату, не сам забрал невесту, как то законом степи предписано! Ведь не бугай-воин – ребенок должен дорогу жениху преграждать в юрту, где Беташар проводиться будет, дашь мальцу монетку, иль кусок сахара откупного, и всего делов! А этого поди, монеткой да петухом на палочке с дороги не сдвинешь, и быть сейчас маскара-позору, нельзя, никак нельзя, чтобы жених лбом в могучую грудь брата невесты уперся, пройти к своей суженой не смог!

Напрягся воин-Исатай, руки зудят, по привычке к клинку тянутся, да нельзя, никак нельзя, а жених, упрямец, идет, прямо на бугая идет, сейчас столкнутся ведь! И тут вперед вперёд малец в белом шапане, в последний миг будто втискивается между женихом и братом невесты, сам невысокий, широк в плечах, да ростом не вышел, но смотрит на жигита адайского смело, улыбается, руку вперед тянет:

– Суюншим кайда? Где награда моя за весть благую?

– Какой тебе суюнши? За что? – опешил Ибрагим, от удивления аж шаг назад сделал, а Махамбет напирает, не дает в себя прийти, возникшим пространством с умом пользуется, подбородок задрал, руку еще выше поднял, и будто сверху вниз с тем, кто выше его, разговор ведет:

– Весть благая у меня – сестра твоя за ханского сына выходит, род твой с ханским родом роднится, быть твоей семье в почете и уважении, стадам – изобильный приплод, семье – здоровье и процветание! Кудай, Бог Правый, Справедливый, велел родниться, детей заводить, и мы тому следуем по его велению, согласно слову пророка нашего Мухаммеда, Привет Ему! Не благая ли то весть, жигит? Той будет, радость будет, много детей родится у Жангир-Керея и Жузим, быть тебе дядей, на мажилисах праздничных с дастархана ханский бешпармак кушать, в гости к племянникам ходить, почет и уважение получать! Не радостная ли то весть, жигит?..

Махамбет говорит быстро-быстро, а вперед тихо-тихо двигается, жигит же адайский от потока слов этих скорых, уверенных, ошарашенный, назад отступает, и глаз от почти мальчишки в белоснежном шапане отвести не может, как замороженный, слушает да кивает. Почти до самого порога юрты дошел, спиной в полог уперся, остановился, и тут Махамбет руку под самый его подбородок, поросший редким рыжим волосом, воздел, и снова спрашивает требовательно:

– Кайда менин суюншим? Где моя награда? Хабаршыга сыйлык жок

па? Нет у тебя награды для вестника? Как же так?!

Вконец растерялся Ибрагим, оглаadyвается, помощи ищет, а братья смущенные, взгляд отводят. Не ждали, не готовились, ни у кого ни монетки с собой, видать, не осталось, все побросали на дорогу, пока невесту к юрте вели. Эх, адаи, вечно вы мигом одним живете, про то, что после случится, не думаете, не готовитесь, широкое у вас сердце, да только разум собой закрывает! И вдруг находится, в рукав ли закаталась, за пояс ли залетела – одна монетка, золотая, червонец царский, с профилем самого императора Искандера Первого, блеснула, отражая солнце степное, в руке одного из братьев, что поодаль стоял. Бросается к нему Ибрагим, надо честь рода защитить, хабаршы-вестнику награду дать, потому как за такие слова и не наградить – себя не уважать!

Исатай понимает все вмиг, в несколько шагов оказывается у входа, толкая перед собой сына ханского, отодвигает полог, чуть ли не вталкивает туда жениха, и прежде чем самому пройти внутрь, еле слышно бросает одобрителное юному Махамбету:

– Жарайсын!

Ибрагим же подлетел уже обратно, руку поднимает, и крепко, с размаху впечатывает монетку золотую смышленому крепышу в белом шапане в ладонь. Не дрогнула в ответ рука, силу недетскую являя, открыто, радостно улыбнулся Махамбет батыру адайскому, чуть голову склонил благодарно:

– Рахмет, агай!

– Сен ким боласын, балакай? – удивленно спрашивает жигит, тайком потирая руку, чуть ли не ушибленную о крепкую ладонь этого подростка. – Кто ты, паренёк?

– Махамбет Утемисулы, родом берш! – гордо отвечает юнец в белом, подбрасывает монетку, ловит, и прячет в рукав своего белого шапана. После чего поворачивается и проходит в юрту, так, что Ибрагиму остается только с удивлением смотреть на

закрывшийся за ним полог.

+ + +

Я не знаю, что это было. Я ведь никому ничего не обещал? Я выполнил требование ходжи На Сима? Но почему мне кажется, что случившееся на этой свадьбе так важно? Отчего старый шаман, которого даже не пустили в свадебную юрту, и весь той проведенный в юртах нашего кочевья, совсем не обращая внимания на такое оскорбление, раз за разом, как поймает меня, расспрашивает о том случае? И почему он так много внимания уделяет тому, что сказал или сделал этот взрослый, суровый берш из пограничных кочевий, со взглядом воина, и привычкой при малейшей опасности тянуться к мечу? Исатай Тайманулы, так, кажется, его зовут?

Но мне понравилось то, что я открыл в себе. Люди готовы повиноваться слову. Моему слову! Не рост, не возраст, но сама сила, которую я могу вложить в звуки своего голоса, позволяют мне добиваться от них... чего? А чего мне от них надо? Или это как-то связано с моей судьбой? Не знаю, так ли это, а времени размышлять над такими сложностями, у меня нет – после Беташар объявили курес, и я хочу выйти на алан-площадь, расчищенную для борцов, хочу попробовать себя в честной схватке не только на словах, но и в силе, я мечтал об этом еще мальчишкой, до того, как попал в медресе... Судьба не готовит меня для ратных дел, мне не нужно будет пробивать себе путь в жизни силой рук, ведь у меня есть мой голос, мои слова, и сила в них, но сегодня я хочу быть таким же, как все. Одно не понятно – почему и это вызывает недовольство отца? Он не уверен во мне, считает, что обучение в медресе изнежило меня, не хочет видеть, как его сын проиграет? Шаман молчит, я чувствую, что он на моей стороне, но даже он, такой одинокий на этом празднике, где старые обряды изменены в угоду ханской политике, молчит, не возражая, как обычно, отцу. Братья уговаривают меня отказаться от выхода на ковер, но...

Нет, не буду я сегодня послушным! Сколько себя помню, хотел

выйти на клем-ковер, видел себя таким же, как палуаны-борцы, чьи тела блестят от намазанного жира, кожаные пояса трещат от захватов, пыль взлетает в небо от бросков с кружением, когда поверженный палуан падает, выброшенный за пределы ковра. Айналдырып лактыру – мой самый любимый, зрелищный прием, который я всегда хотел исполнить... если смогу! А я – смогу! Я – Махамбет!

Как будто все запреты, наложенные строгой дисциплиной ходжи На Сима, слетели с меня! Я иду на ковер, а за мной – мои отец и братья! Мне не нужна их вера в меня – моей собственной веры достаточно! Шаман за их спинами что-то бормочет, призывая аруаков помочь мне, даже жиром он мне помогал намазаться, и штаны кожаные достал, и пояс, без которых не пустили бы на состязание борцов, и я ему благодарен, но сегодня, на этом ковре мне не нужна ничья помощь. Я справлюсь. Я – Махамбет!

Я вижу, как на кошме, рядом со старым ханом Бокеем, сидят его сын, и тот староста-воин, Исатай. Они не смотрят на борцов, Исатай что-то строго говорит Жангир-Керею, хан тоже слушает, но молчит. Жених, ради которого и устроен весь этот праздник, хмурится, поджимает губы капризно, ему явно не нравятся слова кочевого старосты, распекающего его в присутствии собственного отца. Ахмет-акын, сам бывший палуан, теперь уже старый, но признанный авторитет, которому поручают судить и вести все состязания по куресу, громко объявляет мое имя.

– На ковер выходит Махамбет, сын Утемиса, из рода берш, чтобы своей победой славить могучего хана Бокея! На ковер входит Алпамыс, сын Утепа, из рода адай, посвящающий свою победу отцу невесты, почтенному куда-свату нашего хана...

При моем имени Исатай замолкает, прекращает отчитывать жениха, обращает, наконец, свое внимание на борцовский алан. С интересом смотрит на меня. Интерес не только у него – вон, жених тоже уставился, запомнил, видать, как я выручил его утром! Да и хочется ему, знаю, чтобы я адая этого победил, по взгляду видно, такие люди обид не забывают, а соперник мой,

Алпамыс, родной, младший брат Ибрагима, к тому же, наглец, победу вон, собственному отцу посвящает, не проявляя привычного в нашей орде почтения к хану! Это мне шаман сказал, раньше, говорит, такого не было, чтобы палуаны все свои победы, а акыны все свои песни одному только хану посвящали, а нынче, почитай, другого обычая и не знаем мы! А что плохого в этом, я не могу взять в толк? Один правитель – единый кулак, так мы сильнее, разве нет? К тому же отец так решил, а чего я буду со стариком сейчас спорить? Хватит того, что против его воли вообще бороться выхожу! А наглеца адайского я сейчас проучу, будет знать, как в нашей ханской ставке, да не нашему хану хвалу возносить!

Перед поединком становлюсь на колени в сторону Каабы, руки в дуга-молитве Всевышнему раскрываю, читаю Аль Фатиху, первую суру Куран-И-Керим, слышу, как одобрительно шепчутся муллы, что столпились за ханской кошмой.

Махнул рукой Ахмет-акын, и вот уже двинулся ко мне мой соперник – крепкий, выше меня, жилистый, для него это явно не первый бой, не то, что для меня, ранее курес-борьбу только со стороны и видевавшему, да ребенком малым в пыли возившемуся, пытавшемуся приемы взрослых пауланов с такими же мальчишками повторять. Жду, не шелохнусь, будто молитву продолжаю, а сам смотрю из-под век прищуренных. Вот он приблизился, и я вскакиваю с колен, так, что оказываюсь будто внутри кольца из длинных, сильных рук адайца. Да только что толку в силе его, когда вот он, я, уже обнял его, схватил в замок своих рук, левой ногой назад уперся, правым коленом в бедро соперника, и давай сжимать его, что есть силы, будто желая весь воздух из него прочь выжать. Голову не поднимаю, и так знаю – он сейчас почти синий, дышать не может, слышу, ребра чуть не трещат, длинные руки бессильно по спине моей шарят, да только ухватиться ни за что не могут, а силы уходят, вместе со временем... Хотя, вот он, опыт борцовский – нашел выход, взялся за белбеу-пояс кожаный мой, пытается оторвать от земли. Дал же Кудай Аллах руки длинные да силу, чувствуя, что еще чуток, и

возьмет меня, поднимает вверх, бросит оземь! Так и мне от Тенгри великого росту хоть не досталось, но кость тяжелая, а еще чую я землю мою, степь под войлочным покрытием ковра, пальцы ног будто впиваются, пробивают кожу мяси-мягких чарыков, и тянутся сквозь войлок к родной земле, а она словно в ответ тянется, и чувствую я, что становлюсь тяжелее, аж самому дышать трудно, под собственным весом, будто еще один Махамбет сверху навалился!..

Эй, да то не Махамбет – то Алпамыс навалился, и вправду – сверху, а я все еще сжимаю, отпустить не могу, а меня уже и по плечам хлопают – хватит, мол, прекращай! Потерял соперник мой сознание, не хватило ему воздуха, вот и висит-лежит на мне, только пальцы, будто сами по себе, еще пояс сжимать пытаются. Разняли нас, Алпамыса водой окатывают, в себя приводят, меня за руки берут, ведут к ханской кошме. Да и мне и самому бы в себя прийти – от победы такой!

Хан на меня смотрит, довольный, улыбается, хлопает в жирные ладоши, жигиты с сульги-полотенцами в руках подбегают, начинают обтирать с меня масло, вслед за ними подходит и сам Ахмет-акын, несет шапан – подарок ханский. Только Исатай не улыбается, смотрит на меня с интересом, прищурившись, недовольный, будто, слова роняет:

– Очень странно ты его победил, балакай. Совсем, значит, курес-борьбу не знаешь, никогда не выходил на алан...

– Не выходил, ага! – киваю согласно. А что еще сказать? Правду ведь говорит.

– Не умеешь, значит, бороться. Одной силой взял...

– Уау, Исатай! Всем ты, сын Таймана, недоволен! Всегда вот так! Какая тебе разница, умеет – не умеет! Главное, победу нам принес, хана своего прославил! – вмешивается хан Бокей, тяжело встает со своего места, забирает сульги у одного из жигитов, вытирает жирные руки, берет шапан, на плечи мне накидывает. – Батыр! Палуан! Гордость бершского рода! Славься, Махамбет, сын

Утемиса!

Народ вокруг кричит, меня хвалит, хана славит, вслед за Бокеем вскочившие с кошмы Исатай и прочие, меня окружают, и понимаю я, что сардар наш, полководец, сын Таймана, вовсе не злится на меня, а просто изучает. Крепко сжимает плечо мое, встряхивает, громко, чтобы весь аул слышал, говорит:

– Сам его драться учить буду! Настоящим батыром будет, всю орду нашу прославит!

Еще пуще кричит народ, славят теперь и Исатая, видно, любят его в орде, а меня будто целым барханом счастья накрыло – сам Исатай, знаменитый палуан, батыр, военачальник, меня драться учить будет! Вся наука из головы вылетела, да и сама голова будто не работает, одно только сердце всем правит, дыхание в миг сбилось, остался я, будто голый – со степью, небом, и своей ордой!

– Будешь у меня учиться? Будешь меня слушаться? – спрашивает Исатай, тайманов сын, а я и сам словно не понимаю, что говорю, будто со стороны себя слышу:

– Клянусь! Во всем тебе повиноваться клянусь! Верным твоим учеником и соратником быть – клянусь!

– Не клянись, – улыбается, наконец, суровый Исатай, – просто обещай!

– Обещаю! – истово киваю головой, а тут слышу:

– И мне – обещай! Что рядом будешь, и ум свой, и силу, на службу орде нашей поставишь – обещай!

Оглядываюсь – Жангир-Керей, первенец ханский, рядом со мной стоит, в глаза мне смотрит. Руку протягивает, да не по-нашему, с захватом, а прямо, как орысы делают. А я и не знаю, как так-то руки пожимать. За запястье его беру, руку встряхиваю, отвечаю:

– И тебе обещаю, Жангир-Керей!

Вот только сказал это, и вдруг – вспомнил! Вспомнил, как другое обещал еще позапрошлым днём: ходже На Симу, наставнику своему. Обещал – никому и ничего не обещать, и вот, на тебе!..

Все перемешалось, спуталось в голове моей, в сердце моем, радость от победы и славы, стыд от того, что двумя обещаниями третье нарушил, и вся радость от чувства стыда этого уходит, будто вода сквозь песок-Нарын жарким летним полднем, один только стыд остается, такой сильный, что хоть казни себя!

– Не казни себя! – шепчет голос рядом – Успеешь еще!

Шаман, невесть как тут оказался, мигом раньше не было его, или это я уже ничего не вижу, не понимаю, слышу только – голос хана нашего! Да только его теперь и слышу – все замолкли потому что, внимают правителю Орды Бокеевской, мудрому и многосильному хану Бокею, голос которого все еще могуч, и звучит, будто он и старше, и моложе своего обладателя. Вот ведь, что с голосом человеческим власть сделать может, думаю, а голос этот от власти идет, и о власти речь ведет:

– В этот миг славной победы рода нашего, в этот день радостного праздника под шаныраком нашим, настало время объявить наследника над ордой нашей! И быть им сыну моему, Жангир-Керею! Такая моя воля, за которой сила и мощь великого защитника и покровителя орды нашей, царя орысского, Искандера, а над всеми нами – Кудай-Аллаха, который велит каждому муслиму чтить волю правителя своего!

Муллы согласно кивают за спиной ханской, один, самый громкоголосый, вперед выходит, говорит:

– Субхан-Алла! Воистину, сказано – всякая власть от Аллаха! Сотворим же дуга-молитву за хана нашего, Бокея, и за сына и наследника его, Жангир-Керея!

И словно замороженные, околдованные, садятся кочевники – берши

и адаи, шеркеши и ысыки, и все-все вольные люди степи, чей обычай ханский титул не по наследству передавать, но всем народом за ум и доблесть избирать и на кошму ханскую поднимать – все опускаются на колени в этот миг, даже я! Шаман, что рядом стоял, с грустью оглядывается вокруг, и тяжело, устало, будто разом ощутив весь груз прожитых им лет, тоже опускается на колени, тихо бормочет:

– И в позоре этом тоже буду с народом моим! Хан сыну власть передает!.. – затем ловит мой взгляд, огрызается зло: – Что смотришь, недоучка суфийский?

Обидел этим он меня. Впервые слышу я, чтобы шаман – мой шаман! – так со мной говорил. Отвечаю, проглотив обиду:

– В чем же позор? Вон, Чингизиды, тоже по наследству...

– Чингизиды! Воины! А этот – кто? Или не понимаешь, недоучка, что сейчас произошло? Не видишь, как ради власти отколол наш хан младший жуз от среднего и старшего, через право торе – наследников Завоевателя? Не разумеешь, пьяный от славы мира, что правитель твой сегодня всю степь расколол, лишив нас даже надежды на независимость, волю, на то, чтобы народ степной сам свою судьбу решал? Потому что не будет больше среди нас единства, не быть нам теперь одним народом, и сами мы, своими устами молитву возносим пустынному богу, называем себя кулдар-рабами, принимая всякую власть священной именем его, и на рабство себя тем обрекаем!

– Не быть тому! Я не дам! Бороться буду! Я тебе обещаю!.. – забывая про все обиды, прекращая молитву, истово обращаюсь к своему другу, но слышу в ответ лишь печальное, усталое:

– Хватит уже! Наобещался!.. Все, кончилась дуга-молитва, вставай, пойдем беспармак кушать! Той все-таки... ханский!

+ + +

Птица-сокол в мире есть,

горделивая, как честь.
Птица та в листве сосновой
вьет надежное гнездовье.
Вольным рос я, словно сокол,
был наивным, но жестоко
беды бьют теперь меня...
Предков в том своих виня, –
пусть хоть трижды они святы, –
шлю на них свои проклятья!

Махамбет Утемисулы – «Птица Сокол» Romanlar